

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая книга посвящена человеку в литературе древней Руси.

В книге сделана попытка рассмотреть художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения. Читатель не найдет в ней упоминаний "формы" и "содержания" как таковых, но вся она в конечном счете стремится к рассмотрению художественной формы в ее живом единстве с содержанием.

Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества. В соотношении с изображением человека находится и всё остальное: не только изображение социальной действительности, быта, но также природы, исторической изменчивости мира и т. д. В тесном контакте с тем, как изображается человек, находятся и все художественные средства, применяемые писателем.

Литература древней Руси знала несколько стилей в изображении человека¹. В основном они последовательно сменяют друг друга, но иногда существуют и параллельно — в разных жанрах, обслуживающих разные потребности общества.

Конечно, тот или иной стиль в изображении человека в совершенно "чистом" виде проявлялся более или менее редко. Исключения постоянны. Характеризуя тот или иной стиль, мы имеем в виду лишь преобладающие явления. Системы стилей постоянно нарушаются. В этом есть определенная закономерность; если бы не было нарушений стилистических систем, то не было бы и движения литературы вперед. Восстанавливая ту или иную систему стиля в изображении человека, мы стремимся, прежде всего, создать у читателя живое представление об этой системе, непосредственное ощущение стиля.

П. Я. Чаадаев писал: "Итак, вот наше правило: будем размышлять о фактах, которые нам известны, и постараемся держать в уме больше живых образов, чем мертвого материала"²

Читатель найдет в книге снимки с произведений живописи. Цель их — показать соответствия, существовавшие в изображении человека в литературе и в живописи. Эти соответствия позволяют во многих случаях глубже понять и отчетливее ощутить особенности того или иного стиля в изображении человека, но эти соответствия не следует абсолютизировать.

В иных случаях живопись обгоняет литературу и дает значительно более совершенные изображения человека, в других — литература опережает живопись. Всемирно прославленная живопись Андрея Рублева и его времени превосходит литературу тонкостью психологического анализа и глубиной проникновения во внутренний мир человека. Однако "оправдание человека" и открытие ценности человеческой личности, имевшие место в демократической литературе XVII в., не находят прямых соответствий в живописи того же времени. Наиболее полное слияние художественных принципов изображения человека в литературе и в живописи находим мы в монументальном стиле XI—XIII вв. Для этой эпохи характерен

своеобразный полный синтез всех искусств: монументальная живопись (мозаика, фрески) подчинена формам зодчества, зодчество своими простыми поверхностями служит удобной основой для монументальной живописи. Письменность, в значительной мере рассчитанная для чтения вслух во время монастырских трапез (жития святых), для произнесения в храмах (проповеди, жития), для импозантного окружения княжеского быта, отвечает тем же потребностям, что архитектура и живопись, развивает общий с нею монументальный стиль в изображении человека.

Впрочем, соотношения литературы с другими искусствами требуют внимательного изучения. В данной книге они только намечаются.

Главы настоящей книги не следуют хронологии историко-литературного процесса. Книга не стремится изобразить историю изображения человека, хотя и должна давать материалы для этой истории, поднимая некоторые общие вопросы, связанные с изменением формы изображения человека.

Удобнее всего, оказалось, начать книгу с перелома в изображении человека, с кризиса средневекового способа изображения человека, наступившего в начале XVII в. Затем необходимо было вернуться к эпохе классического расцвета средневекового монументального стиля в изображении человека — к XI—XIII вв. Затем в книге следуют главы, описывающие отдельные стили и затрагивающие отдельные проблемы изображения человека.

Разнородность материала отчасти определила собой разнородность глав. Одни из глав посвящены крупным стилистическим системам, внутренне законченным и отразившимся во многих произведениях (таков стиль монументального историзма или эмоционально-экспрессивный). Другие главы касаются лишь элементов слабо проявившихся стилей (стиля эпического, стиля "психологической умиротворенности"). Естественно, что главы резко различаются по своему наполнению фактическим материалом.

Перед читателем — второе издание моей книги — "Человек в литературе древней Руси". Со времени первого издания (М.; Л., 1958) прошло более десяти лет. За это время накопилось много нового материала, подтверждающего и развивающего отдельные характеристики стилей в изображении человека, но я решил не включать их в книгу. Она разрослась бы в объеме и в результате утратила бы свою цельность. Дело ведь не в количестве материала, а в его убедительности. Поэтому я ограничиваюсь лишь некоторыми улучшениями и уточнениями. Мною приняты во внимание рецензии, появившиеся на первое издание у нас и за рубежом, а также замечания, сделанные мне в частных письмах Б. М. Эйхенбаумом и Н. Н. Ворониным.

В подборе иллюстраций мне помогли Н. А. Демина и И. А. Иванова, а также Н. Г. Порфиридов, которым приношу глубокую благодарность.

---

¹ Здесь и в дальнейшем я говорю о стиле так, как говорят о стиле искусствоведы; в широком значении этого слова. Я говорю о стиле литературы, а не о стиле литературного языка. Последний входит в первый как часть.

² П. Я. Чаадаев. Философические письма. Письмо третье.— М. Гершензон П. Я. Чаадаев, Жизнь и мышление. СПб., 1908, стр. 255.